

**НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ
И СУЩНОСТЬ ЕЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРИНЦИПА
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Одним из основных критериев развития государства и общества является достижение высокого уровня защищенности прав и свобод человека. Проблема обеспечения личной неприкосновенности личности привлекала внимание ученых, однако понадобилось несколько тысячелетий для осознания ценности любой личности, независимо от ее социальных, имущественных, национальных и других признаков.

Обеспечение личной неприкосновенности приобретает особую значимость в условиях построения правового социального государства и повышения в нем роли гражданского общества. Сегодня личная неприкосновенность является общепризнанной социально-правовой ценностью, что нашло свое закрепление в международных и национальных правовых актах.

Конституция Российской Федерации (РФ) провозглашает неприкосновенность человека в России наивысшей социальной ценностью, положение о личной неприкосновенности содержится в ст. 22 Основного Закона, кроме того, многие конституционные нормы, так или иначе, соотносятся с исследуемым понятием. Вместе с тем содержание личной неприкосновенности Конституция РФ не раскрывает.

Неприкосновенность личности играет важную роль в системе принципов уголовного процесса. В литературе сложились широкая и узкая концепции толкования принципа неприкосновенности личности.

Необходимость каждого человека в личной безопасности обуславливает возникновение права на неприкосновенность, которое является субъективным и реализуется посредством системы нормативно-правовых актов различных отраслей права. Однако следует отметить, что отсутствует общепринятая, установленная на законодательном уровне трактовка понятия «неприкосновенность личности».

Н.С. Манова и Ю.В. Францифоров отмечают, что личная неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве РФ имеет следующие черты:

1) отражает международный стандарт уголовного судопроизводства;

2) может рассматриваться как элемент юридической конструкции «право на свободу и личную неприкосновенность», а также как самостоятельная категория;

3) обладает «негативным» содержанием в значении «свободы от посягательств»;

4) отражает отношения между государством, его органами и гражданами;

5) требует от государства выполнения «положительных» и «отрицательных» обязанностей;

6) имеет компонентную структуру, элементы которой находятся в неразрывной связи с личностью, наделенной неприкосновенностью;

7) распространяется на всех участников уголовного судопроизводства, а не только на подозреваемого или обвиняемого [1, с. 27].

Интересна также позиция А.П. Рыжакова, согласно которой право на свободу и право на личную неприкосновенность, несмотря на тесную взаимосвязь, – это два разных права человека, которые не стоит путать. Право на свободу в современном понимании рассматривается как способность без принуждения, по своему усмотрению добиваться осуществления поставленной перед собой цели, а право на личную неприкосновенность – это свобода человека от незаконных и необоснованных задержаний, арестов или лишения свободы другим путем, а также любых других действий, направленных на ограничение возможности человека свободно распоряжаться собой [2, с. 432].

По нашему мнению, личную неприкосновенность можно определить как свободу человека от незаконных и необоснованных задержаний, арестов или лишений свободы другим путем, а также от любых других действий, направленных на ограничение возможности человека свободно распоряжаться собой.

Права и свободы человека являются одним из важнейших социальных и правовых институтов, ведь именно он в полной мере отражает достижения обществом определенного уровня развития, состояние защищенности личности в целом, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, без опасности и неприкосновенности. Соблюдение прав и свобод личности является главной предпосылкой осуществления любого вида деятельности.

Вместе с тем в ходе уголовного судопроизводства достаточно часто возникают ситуации, когда повлиять на поведение участников производства и скорректировать ее невозможно без определенных временных ограничений их прав и свобод, которые являются результатом применения тех или иных мер обеспечения уголовного судопроизводства.

Заслуживает внимания и позиция Е.Г. Васильевой, которая определяет правовые ограничения как закреплено в праве – воздержание от противоправного деяния, целью которого является создание необходимых условий для удовлетворения интересов уполномоченного субъекта и общественных интересов в целом [3, л. 26]. В.А. Кучинский также отмечает, что правовым ограничением является закрепленное в юридических нормах препятствие для неправомерного поведения, которое создает условия для удовлетворения интересов субъектов права при нормальном функционировании общественных институтов [4, с. 49].

В этом аспекте считаем, что правовое ограничение само по себе является близким к запретам, однако оно все же рассчитано не на полное вытеснение определенного общественного отношения, а на содержание его в определенных жестких рамках. Поэтому, по нашему мнению, наиболее комплексно и основательно правовые ограничения как средство правового воздействия исследовал А.В. Мальков. В частности, ученый акцентирует внимание на многоаспектности понимания самой категории «правовые ограничения» и рассматривает это правовое средство как инструмент обеспечения правового статуса, как условие предоставления правоотношениям определенных границ, как процесс психологического принуждения, как средство воздействия на сознание и волю субъектов, как препятствие неправомерному поведению [5, с. 238–241].

Это объясняется тем, что основой правового ограничения выступает тесная связь между внешними юридическими условиями и внутренней структурой личности. Именно правовое ограничение влияет на интересы субъектов права.

Стоит отметить также, что именно для упорядочения общественных отношений и обеспечения их полноценного функционирования устанавливаются правовые ограничения. Так, правовые ограничения имеют целью сознательное изменение поведения субъектов. Правовые ограничения выступают необходимыми средствами воздействия на интересы общества и интересы определенных контрсубъектов, поскольку направлены на достижение социально полезных целей. В частности, они осуществляют воспитательное и социальное влияние на субъекта.

Считаем целесообразным определить основные признаки правомерности ограничений права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве. Такие ограничения носят процессуальный характер и регулируются уголовно-процессуальным законом, а потому являются составной частью уголовно-процессуальной формы.

Отметим, что ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве по своей природе являются

мерами обеспечения уголовного судопроизводства, а следовательно, направляются на достижение общей цели – обеспечение надлежащего порядка уголовного судопроизводства, его действительности.

Ограничения права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве носят принудительный характер. По законодательной идее такие ограничения призваны обеспечить действительность уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, обуславливает объективную необходимость в формировании законодательной модели таких ограничений, которая базируется на процессуальном принуждении. Они применяются в случаях, когда другими процессуальными мерами невозможно достичь основных задач уголовного судопроизводства, предусмотренных ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Стоит отметить, что вопрос о возможности ограничения права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве определяется не столько невозможностью другими способами выполнить задачи уголовного судопроизводства в целом, сколько невозможностью другими способами достичь конкретной цели того или иного мероприятия по обеспечению уголовного судопроизводства без применения такого ограничения.

Субъектом применения ограничений права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве являются, как правило, следователь, судья, суд.

Статья 10 УПК РФ предусматривает, что «никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований». Учитывая это под применением данной нормы следует иметь в виду, что ее действие распространяется как на подозреваемого, обвиняемого, так и на других субъектов уголовного судопроизводства.

С другой стороны, ограничение свободы и неприкосновенности личности может быть определено как результат конкретной уголовной процессуальной деятельности [6, с. 109]. Ограничение в уголовном судопроизводстве носит принудительный характер. Уголовно-процессуальное принуждение – это эффективный инструмент борьбы с преступностью, который используется независимо от того, добровольно ли субъект выполняет свои обязанности.

Итак, для мер процессуального принуждения характерно то, что они применяются во время уголовно-процессуальной деятельности; применяются уполномоченным на то органом или должностным лицом в пределах их компетенции; применяются непосредственно к участникам

уголовного судопроизводства, противоправное поведение которых или реальная возможность такого поведения создает или может создать препятствие производству по делу.

1. Манова, Н. С. Уголовный процесс. Краткий курс лекций / Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров. – М. : Юрайт, 2019. – С. 27.
2. Рыжаков, А.П. Уголовный процесс России : курс лекций / А.П. Рыжаков. – СПб. : Питер, 2009. – 432 с.
3. Васильева, Е.Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.Г. Васильева. – Уфа : Башкир. гос. ун-т, 2002. – Л. 26.
4. Кучинский, В.А. Личность, свобода, право / В.А. Кучинский. – М. : Юрид. лит., 1978. – С. 49.
5. Мальков, А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики / А.В. Мальков // Юрид. техника. – 2018. – № 12. – С. 238–241.
6. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 7-е изд., перераб. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 752 с.

УДК 343.14 + 343.985

О.А. Слащенин

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «УТЕЧЕК ДАННЫХ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Динамичная цифровизация общественных отношений с их постепенным переходом в глобальную компьютерную сеть Интернет (далее – сеть Интернет) приводит к закономерному расширению международного информационного пространства. Так, переход от традиционных носителей информации (бумага, фотоматериал, пластмасса, магнитная лента) на их электронные аналоги имеет следующие преимущества: 1) сокращение временных и материальных затрат, связанных с поиском, получением, передачей, сбором, обработкой, накоплением, хранением, распространением и предоставлением информации, а также ее использованием и защитой; 2) повышенная доступность «оцифрованной» информации. Но упомянутая доступность информации имеет и свою обратную сторону: высокие риски в сфере кибербезопасности.

Кибербезопасность – это состояние защищенности информационной инфраструктуры (ИИ) и содержащейся в ней информации от внешних и внутренних угроз согласно ст. 8 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [1]. Основными субъектами угрозы кибер-

безопасности (далее – исполнители) выступают специалисты в сфере высоких технологий, совершающие посредством сети Интернет умышленные противоправные действия против объектов ИИ и обслуживающих их операторов. Среди них можно выделить: хакеров, имеющих корыстную или иную личную заинтересованность, а также хактивистов, преследующих при осуществлении своей деятельности общественные или политические цели. Не имея допуска к информации, содержащейся в ИИ и представляющей интерес для хакеров и хактивистов, последние планируют и проводят целевые кибератаки на тот или иной объект ИИ. Цель проведения указанных атак: нарушение систем защиты объекта ИИ и осуществление к нему несанкционированного доступа с последующим неправомерным завладением содержащейся в ИИ информацией. В результате возникшего киберинцидента исполнители также могут завладеть данными, которые в соответствии со ст. 17 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон «Об информации, информатизации и защите информации») могут признаваться информацией, распространение и предоставление которой ограничено [2], а также в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон «О защите персональных данных») – персональными данными физических лиц [3]. Наиболее популярными объектами ИИ, которые подвергаются кибератакам, являются базы и банки данных торговых сетей [4, 5], сервисов доставки товаров [6], информационные системы предприятий, организаций и государственных органов [7], банковских и иных коммерческих учреждений [8]. Осуществив несанкционированный доступ к информации, содержащейся в ИИ, исполнители до обнаружения оператором объекта проведенной кибератаки должны успеть ее скопировать. Одним из наиболее популярных и быстрых способов копирования информации при осуществлении кибератаки является создание «дампа» (англ. dump – сбрасывать), представляющего собой полное или частичное содержание компьютерной информации, аккумулируемой в ИИ. Рассмотренный типовой пример киберинцидента, обязательным результатом которого является завладение информацией лицом, не имеющим к ней допуска, квалифицируется в сфере кибербезопасности как «утечка данных» [9].

Факт происшедшей утечки данных может держаться в тайне от общественности как исполнителями проведенных кибератак в целях тайного использования полученной информации, так и операторами объекта ИИ для защиты своей деловой репутации. Часто о возникшей утечке данных хакеры и хактивисты могут сами публично сообщить